

Мэн Чжии и Ван Шэншэн росли вместе, так что можно сказать, что они знали друг друга как облупленные. Мэн Чжии слишком хорошо понимала Ван Шэншэн: с самого детства та отличалась вспыльчивым нравом, стоило сказать ей пару слов — тут же срывалась с места и лезла в бутылку, прямо как бойцовый петух.

Именно поэтому Мэн Чжии понимала лучше остальных: раз Ван Шэншэн что-то сказала, значит, действительно способна это сделать. Семья Мэн была богата, но не имела влияния — им просто повезло воспользоваться заслугами предков, а если говорить начистоту, они оставались всего лишь торговцами чаем.

К тому же Ван Шэншэн первой ляпнула лишнее и затеяла провокацию. В таком огромном торговом центре, как Хуажун, везде установлены камеры наблюдения, и если бы дело дошло до серьезного скандала, в дураках осталась бы она сама.

Как ни крути, сделка не сулила выгоды, а кроме того... Мэн Чжии бросила косой взгляд на Ли Цзиньвэй. Здесь находилась еще одна женщина, которая с виду казалась крайне опасной.

Заметив, что та смотрит на нее, Ли Цзиньвэй покосилась в ее сторону:

— Еще не ушла?

Мэн Чжии так испугалась, что даже не успела обуться — бросилась к выходу и была такова.

Этот фарс подошел к концу. К счастью, вещи в магазине не пострадали, и после извинений перед продавцом Ли Цзиньвэй вывела остальных на улицу.

— Не ожидал... то есть не ожидания, госпожа директриса, вы тоже умеете драться?

Услышав это, Ван Шэншэн возмущенно выпалила:

— Ты же видела, что я дралась! И почему не пришла на помощь? Она меня несколько раз пнула, на юбке следы от обуви!

Ли Цзиньвэй ответила:

— Если бы я тогда не контролировала ситуацию, отделалась бы ты парами следов от ботинок? Боюсь, от тебя вообще мокрого места не осталось бы.

Ван Шэншэн уперла руки в боки, дьявольски улыбнулась и произнесла:

— О? Так я что, еще должна тебя поблагодарить? По-моему, это ты должна сказать мне спасибо!

Ли Цзиньвэй усмехнулась вслед за ней:

— За что же это?

— Если бы я не устроила это представление, ты бы, наверное, все свои сбережения на жену спустила!

— Подумаешь, триста тысяч, у кого их нет?

— А вот у тебя и нет!

— А вот и есть!

— А вот и нет!

— А вот и есть!

— Тогда покажи!

Черт побери! Раздраженная Ли Цзиньвэй чиркнула зажигалкой и закурила. Клубы дыма затерялись в воздухе, пока ее рука бесцельно взмахивала из стороны в сторону:

— Ты кто такая? Еще баланс банковской карты тебе показывать?

— Я же говорю — у тебя ее нет! — Ван Шэншэн надула губы.

Ли Цзиньвэй все-таки поддалась на эту провокацию с презрительным выражением лица, швырнула окурок в фонтан неподалеку, достала телефон, открыла приложение банка и показала экран девушке.

Ван Шэншэн наклонила голову и заглянула — сорок две тысячи.

И правда есть? Выражение ее лица стало сложным:

— У твоего паршивого интернет-кафе такая высокая выручка? Ты случайно не в бегах...

— Что ты мелешь! — Ли Цзиньвэй забрала телефон и оборвала ее: — Я вообще-то законопослушная гражданка, темными делами не занимаюсь. Это вы, богатеи, ненасытны, как змея, пытающаяся проглотить слона.

Ван Шэншэн внезапно замолчала.

Ли Цзиньвэй и без лишних слов все понимала: главной причиной, по которой семью Ван

начали проверять в самом начале, стали налоговые задолженности. Говорили, что сумма, выявленная при окончательной проверке, почти сравнялась с половиной состояния Клана Цинь, а ведь Клан Цинь занимал лидирующие позиции в бизнесе.

— Понять не могу, неужели вам было мало всех этих денег? Куда ни копни — везде нарушения, неужели вы сами себя в могилу загнали?

Говоря это, Ли Цзиньвэй повернулась и направилась к выходу, но тут ее неожиданно с силой толкнули в спину, едва не отправив в бассейн с водой.

Позади стояла Ван Шэншэн со слезами на глазах и безумным криком:

— Да что ты понимаешь?! Мой отец вовсе не такой человек! Он водил меня в налоговую! Его подставили! Нашу семью подставили!

Ли Цзиньвэй покачнулась и врезалась в дерево, на голову градом посыпались сухие листья, а еще не до конца зажившие раны тут же занесли.

Не успела она опомниться, как Ван Шэншэн снова бросилась на нее. Слезы девушки сияли, словно спрятанные в туманном лесу драгоценные камни — мерцающие и затуманенные.

— Моей мамы больше нет, он один растил нас с сестрой, заменяя нам и отца, и мать. Пусть у меня скверный характер и дурной нрав, но с самого детства он учил нас: что взял у народа — то должен вернуть народу. Его оклеветали!

Ли Цзиньвэй какое-то время смотрела ей в глаза, затем опустила веки и с легкой усмешкой произнесла:

— Ты ведь и сама знаешь, что у тебя скверный характер и дурной нрав?

Ван Шэншэн замялась:

— В смысле?

— Слышала выражение про высунувшийся соловей, которого подстрелят первым? Есть вероятность, что это ты вела себя слишком вызывающе, и семья Ван вела себя слишком вызывающе, что в итоге и привело вас к краху?

Где есть те, кто ведет себя надменно, всегда найдутся те, кто их осадит — простая и понятная истина.

Ли Цзиньвэй медленно выпрямилась. В воздухе вокруг нее витал шлейф цитрусовых духов, доносившийся от мочки уха Ван Шэншэн — запах, идеально подходящий для лета. Когда под звездным небом дул легкий верок, в этот миг казалось, будто в нем растворилось ощущение

безмятежности бытия.

В такой атмосфере даже эти затуманенные слезами зрачки показались яркими и трогательными, наполненными нежностью и трепетом.

Она посмотрела на нее мягким тоном:

— Если падение семьи Ван тебя ничему не научило, то прошу, запомни сегодняшний урок: усмири и скрой свои эмоции, потому что теперь у тебя больше нет почвы для былой спеси.

Люди — странные создания: если с самого начала у тебя ничего не было, можно пробиться сквозь грязь и окружение. Но если ты все имел и все потерял, психика рушится, появляется горечь и неспособность принять реальность.

Ван Шэншэн как раз принадлежала ко второй категории. Она не могла смириться с поражением, поэтому становилась все более раздражительной, словно пугливая птица. И хотя она бесчисленное количество раз повторяла себе, что нужно покориться судьбе, прорывающиеся наружу эмоции все равно сквозили озлобленностью.

Ли Цзиньвэй чиркнула колесиком зажигалки, и язычок пламени осветил заплаканное лицо Ван Шэншэн, выглядевшее донельзя жалостным.

Она продолжила:

— Взять хотя бы нашу первую встречу: прекрасно зная, что мы находимся в состоянии противостояния, ты всё равно осмелилась добавить меня в WeChat и скинуть геолокацию. Тебе совсем не было страшно, что я окажусь маньяком-убийцей или каким-нибудь радикалом?

Ван Шэншэн на самом деле была из тех, кто умеет вовремя приспосабливаться: видя неблагоприятный исход, она умела склонить голову. Только вот это смирение не было искренним признанием поражения — она лишь временно затаивалась, чтобы при первой же возможности снова показать свое истинное лицо.

Именно поэтому ее настроение так часто скакало: мысли метались, вспышки гнева вспыхивали и угасали с невероятной быстротой.

Интернет-кафе работало для всех подряд, люди приходили и уходили, что и позволило хозяйке Ли развить в себе способность разбираться в людях. Всего за несколько дней общения она полностью раскусила собеседницу.

Ван Шэншэн была сущим ребенком, все ее эмоции отражались на лице, и даже пытаясь сдерживаться, она не могла скрыть истинные чувства во взгляде.

Милая девочка, наивная и податливая — хозяйка Ли, разумеется, в глубине души ликовала.

Но внешне она держалась предельно невозмутимо, убеждая саму себя в том, что играет роль на совесть:

— Так что запомни: впредь в заведении на первом месте стоят требования клиентов. Если ты будешь продолжать лаяться с ними, как раньше, тебе уже никакие боги не помогут.

Ван Шэншэн смахнула слезы тыльной стороной ладони, но стоило ей стереть их, как из глаз снова брызнули капли, которых становилось всё больше.

Да меня тут утопят, мысленно вздохнула Ли Цзиньвэй, вытащила из кармана две салфетки и аккуратно прижала к лицу девушки:

— Перестань реветь, слезы — это самое дешевое, что есть на свете. И хотя я понятия не имею, каково это — падать с небес, сейчас плакать — это последнее, что тебе следует делать.

— Не бойся. Во всяком случае, в «Инновационном урагане» нет плохих людей. Ты можешь безоговорочно верить мне и нам. Быть обычным человеком совсем не плохо — по крайней мере, жизнь спокойная, да и плагиаторы вокруг не крутятся.

Эти слова заставили Ван Шэншэн улыбнуться:

— Тогда можно задать вопрос?

Ли Цзиньвэй заинтересовалась:

— Какой вопрос?

— Ты и правда любишь девочек?

— ...Правда.

— Оу.

Ван Шэншэн в растерянности пару раз пнула носком туфли камешек на земле. Заметив, что та хочет что-то сказать, но не решается, Ли Цзиньвэй спросила:

— Разве нельзя любить?

Девушка тут же замотала головой:

— Нет, просто... я...

— Говори прямо, раз начала.

— Я хотела обнять тебя в знак благодарности, но испугалась, что для тебя это табу.

— (...) Черт!

Хозяйка Ли потратила уйму сил, чтобы успокоиться и постараться выглядеть безмятежно и миролюбиво:

— Какое еще табу?

Ван Шэншэн уставилась на нее с предельно серьезным и сосредоточенным выражением лица:

— Я вчера спрашивала у подруги, она сказала, что вы стараетесь держаться подальше от девушек. Неудивительно, что ты отреагировала так бурно в прошлый раз.

Сказать-то она сказала верно, но вот...

Ли Цзиньвэй подняла голову к небу. Шуршащие листья падали вниз, словно накладывая на сцену легкий фильтр, а луна и облака неслись среди звездной реки. В такой обстановке, думалось ей, сохранять дистанцию будет чертовски трудно.

После того как пару лет назад она разругалась с другом-дураком, Ли Цзиньвэй все больше плыла по течению. И пусть она понимала, что стоящий перед ней человек — вовсе не попутчик, даже мимолетная радость оставалась радостью.

Она трезвым умом осознавала, как глубоко внутри нее рушится привычный уклад. Пусть это и не самый разумный поступок, но руки она все же разомкнула:

— Обнимай. Сегодня не в счет.

Ван Шэншэн, напротив, смутилась, закусила губу и лишь после этого осторожно прижалась к ней.

Музыкальный фонтан в центре площади как раз начал свою работу, и струи воды с шумом взмыли вверх. Ван Шэншэн испуганно взвизгнула от неожиданного грохота, крепко обхватив руками талию стоявшей перед ней девушки и уткнувшись лицом ей в грудь.

Ли Цзиньвэй поначалу тоже вздрогнула, но тут же переключила все внимание на теплое тело в своих объятиях — хрупкое, мягкое, источающее свежий аромат фруктов, напоминающий охлажденный сливовый суп в комнате с кондиционером.

Жаль только, что сливовый суп утолял жажду, но совсем не спасал от жары. Ли Цзиньвэй горела изнутри с ног до головы, а прохладный ветерок от брызг фонтана трепал их волосы, переплетая их пряди между собой так тесно, что это выглядело одновременно томно и соблазнительно.

— У тебя сердце так быстро бьется, — Ван Шэншэн подняла голову. Ее лицо было закутано в одежду и казалось совсем крошечным, с ладошку, совсем как у зверька: — Ты тоже испугалась?

Ее просто умилило это зрелище. Если бы они не стояли в полумраке, можно было бы заметить, как у Ли Цзиньвэй покраснели кончики ушей.

К счастью, здесь было недостаточно светло, да и Ван Шэншэн сейчас было не до чужих покрасневших лиц.

Стоит человеку хоть раз прикоснуться к определенным людям и вещам, как возникает зависимость. Ли Цзиньвэй мысленно ругала себя за наивность и одновременно не могла удержаться от жадного наслаждения.

После последнего расставания она уже и не помнила, когда в последний раз испытывала сердечный трепет. В пересохшем, иссушенном речном русле прожитых лет встретить кого-то подобного было огромной удачей.

Но Ли Цзиньвэй не могла выразить чувства «симпатии» или «любви». Ло Сукэ как-то охарактеризовала ее так: трезвомыслящая романтичка.

Погружение в пучину чувств — дело всего лишь одного мига, а что будет потом?

Ван Шэншэн наверняка выйдет замуж, родит детей, будет идти рука об руку со своим мужем и давать клятвы у алтаря. Где тогда окажется Ли Цзиньвэй?

Она не могла этого представить, но стоило лишь начать размышлять об этом, как пылающее изнутри сердце начинало невыносимо болеть и тосковать.

Они разомкнули объятия еще до того, как в фонтане сменилась мелодия. Ван Шэншэн украдкой бросила взгляд на девушку, и этот мимолетный взгляд показался ей вечным.

К серьге Ли Цзиньвэй прилипли несколько черных прядей, упав прямо на чистую, точеную линию челюсти. Черный цвет в сочетании с черным должен был выглядеть холодно, но ее глаза излучали бесконечное тепло, впитывая серебристый лунный свет и очерчивая контуры мягкой, размытой дымкой.

Без всякой на то причины на секунду в ее голове воцарилась пустота.

Сколько она себя помнила, Ван Шэншэн впервые почувствовала в девушке черты истинной стати, причем не наигранную мальчишескую браваду, а совершенно естественную, непринужденную грацию.

Ли Цзиньвэй была одета в свободную футболку и широкие шорты, а ее шлепанцы-вьетнамки выглядели так, будто их не меняли уже лет сто — грязные до предела, лишённые всяких приличий.

Но именно такие простые наряды лучше всего подчеркивали внешность и фигуру. Такая небрежная в своем стиле женщина умудрялась выглядеть невероятно круто.

— Идем назад? — Ли Цзиньвэй вышла из темноты, привычным жестом засунув руки в карманы шорт: — В магазине вообще-то бизнес делать надо, госпожа директриса!

<http://bllate.org/book/22059/2293718>